

Хлоя Лангшер любила Люка Олфенстера.

Несмотря на то, что с тех пор уже много воды утекло, она всё ещё помнила то трепетное чувство, которое когда-то испытывала к нему.

Однако эта нежная, зарождающаяся первая любовь была легко раздавлена тяжёлым чувством вины.

Перед перемещением в прошлое Хлоя Лангшер думала о двадцатилетнем Люке Олфенстере, который когда-то находился на грани смерти, потеряв всё.

Люку было всего двенадцать, когда его жизнь оказалась под угрозой.

Разве он не был ещё слишком молод, чтобы встретить смерть от выстрела?

Хлоя до сих пор не понимала своего отца. Если он хотел власти, достаточно было убить наследного принца и подтолкнуть её тётю к тому, чтобы она стала императрицей. Не было никакой необходимости настолько сильно затягивать дворянского юношу в бездну.

Всё, что Трой Лангшер сделал с Люком Олфенстером, стало исключительно результатом злого умысла.

Поэтому месть Люка была оправдана.

Поскольку совершённые грехи нельзя было исправить, Хлоя Лангшер добровольно приняла на себя бремя расплаты, вспоминая о многочисленных привилегиях и правах, которыми она пользовалась, будучи дочерью семьи Лангшеров.

Она не придавала никакого значения тому, что сделала для Люка. Для неё это было естественно.

— Зачем вы пожертвовали собой ради него?

Когда рыцарь, внезапно появившийся перед Хлоей, задал этот вопрос, она растерянно моргнула и горько улыбнулась. Ей казалось, что это осталось незамеченным, но, видимо, кто-то обратил внимание на её поведение.

Хлое не хотелось как-то оправдываться или лгать. Она считала, что её судьба — быть осуждённой преступницей.

По иронии светлые волосы рыцаря напомнили ей кого-то из детства.

— Просто так...

— Почему?

— Мечь — его законная привилегия.

Хлоя спокойно улыбнулась рыцарю. В прошлом она не знала, кто он такой.

Гидеон Эдант был приёмным братом Люка. Рыцарем, который был рядом с ним, когда он потерял всё. Хлоя никогда не смела сомневаться в его преданности.

Гидеон был тем, кто мог пойти ради Люка на всё. Он был единственным рыцарем, который проявил верность мальчику, упавшему в яму отчаяния. Он был тем, кто без колебаний нёс тело умирающего мальчика под летящими клинками. И поэтому Хлоя признавала его.

— Если вы действительно заботитесь о нём, то не станете ему об этом рассказывать.

— Тогда вы согрешите.

— Он — сын Хесселя Олфенстера, а я — дочь Троя Лангшера, в конце концов один из нас неизбежно должен умереть, чтобы положить конец этой истории.

Хлоя не хотела жить такой жизнью. Чтобы выжить, ей нужно было стать врагом Люка Олфенстера. Чтобы грехи её отца никогда не раскрылись, а сами Лангшеры оставались победителями до самого конца, она должна была молиться о гибели Люка. Она должна была молиться о том, чтобы его мечь не удалась.

Осознав это, девушка слегка усмехнулась. Этого не могло произойти. Было ли это из-за любви, чувства вины или по какой-либо другой причине — Хлоя Лангшер не осмелилась бы вонзить ему нож в спину.

— Вместо того, чтобы убить его, я выбрала свою смерть.

«Я не хотела выжить ценой твоих страданий, Люк».

— Возвращайтесь, Гидеон Эдант. Что бы вас не беспокоило, сегодня здесь ничего не изменится. Дочь Лангшеров умрёт, не проронив ни слова.

Хлоя думала, что на этом их разговор закончится, но Гидеон неожиданно схватил её за руку. Его лицо было бледным, он взглянул на неё, прошепав:

— Он не убьёт вас.

Она не была уверена, что расслышала его правильно, несмотря на то, как близко к нему стояла. Прежде чем она успела спросить, что всё это значит, Гидеон сам начал спокойно объяснять:

— Если он вам действительно дорог, бегите отсюда. Я помогу вам.

Хотя Хлоя отмахнулась от его руки, Гидеон посмотрел на пасмурное небо, словно прикидывая, сколько времени у них осталось, а затем обнял её.

Когда Хлоя пришла в себя, Гидеон, несмотря на протесты девушки и попытки сопротивляться, вёл её куда-то, продолжая говорить:

— Леди Хлоя, я надеюсь, у него не останется воспоминаний о том, как он убил невежественную женщину только потому, что она была дочерью врага.

— Если я не умру, падение Лангшеров...

— Хлоя Лангшер должна умереть, прежде чем Люк убьёт её.

Недолго думая, он схватил медальон, висевший у неё на шее, и быстро сорвал его одной рукой. Через мгновение кольцо и браслет также были зажаты в его руке.

— Оставим вашу одежду и украшения на трупе, скажем ему, что вы умерли. Он сможет отомстить, не замарав руки.

Гидеон выглядел серьёзно и шёл очень быстро, пытаясь избежать взглядов людей. Как будто он действительно мог помочь ей совершить побег.

— Если он не хочет марать руки, тогда вы можете убить меня. И всё на этом.

— Разве вы не хотите жить?

В тот момент Хлоя не смогла заставить себя ответить. Она хотела жить — это естественное желание для человека. Если бы она действительно смогла выжить, при этом покончив с мезтью Люка...

Желание жить, подавленное чувством вины, позорно вырвалось наружу.

У заднего выхода, которым обычно пользовались слуги, стояла небольшая карета. Гидеон

подтолкнул Хлою, которая не могла ничего сказать, вовнутрь. Девушка старалась игнорировать быстро бьющееся сердце. Она не знала, почему Гидеон пытается спасти её.

«Но я — дочь Лангшера, я та, кто должен умереть из-за мести Люка...»

Последние остатки чувства вины заставили её вцепиться в рукав Гидеона. Слова, которые ей едва удалось произнести, звучали поистине жалко:

— Даже если вы подмените тело, людей будет нелегко обмануть.

— Всё в порядке. Если тело будет повреждено настолько, что его можно будет опознать только по принадлежащим вам предметам, никто ничего не скажет.

Когда дверцы кареты закрывались, в его глазах отразился яркий багровый цвет, напоминающий пламя.

— Например, если оно обгорит.

После этого воспоминания Хлои были обрывочными и бессвязными. Казалось, карета ехала бесконечно долго, пока не остановилась у небольшого особняка на окраине столицы. Гидеон оставил Хлою в спальне и вскоре вернулся туда с большой сумкой, в которой мог бы поместиться человек.

— Фрейлина, жившая здесь, покончила с собой три дня назад.

Порывшись в ящиках, словно ища что-то, Гидеон бросил на кровать пачку бумаг, а затем перекинул сумку через плечо.

— Только я знаю, что эта женщина умерла.

Хлоя взяла бумаги. Среди нескольких портретов женщины были свидетельство о рождении и другие документы.

— В будущем вам придется притвориться ею. По крайней мере, до тех пор, пока вы не покинете столицу.

С этими словами он вышел из комнаты.

В разгар хаоса, сидя в чужой спальне, Хлоя смотрела на бумаги в своих руках невидящим взглядом, ничего не чувствуя. Она неуверенно прочитала вслух имя, которое ей придется использовать, чтобы выжить:

— Мари... Мари Эдант...

Согласно указу императрицы, три года назад Мари вышла замуж за Гидеона Эданта.

Вернулось ощущение реальности, и она почувствовала удушье.

Только сбежав от Лангшеров, она вновь вернулась к ним.

Хлоя вспомнила императрицу, которая могла похвастаться неугасающей красотой, и свою добрую тётю, которая тайком угощала сладостями её и Люка, когда они были детьми.

Она подумала о грехах Лангшеров.

У престарелого императора Тевии было слишком много детей и внуков.

Чтобы кому-то из них стать императором, нужно было пролить много крови. Споры о престолонаследии всегда были такими. Выжить мог только один единственный наследник.

Даже если кто-то захватывал столицу и короновался, те, кто осмеливался оспаривать его власть, не исчезали так просто.

Гражданская война в Тевии длилась больше года. Она закончилась осенью, казнью Джейса — седьмого принца. Люк смотрел на светловолосого мужчину, похожего на своего отца, пронзительным взглядом.

Мужчина проклинал его и бывали моменты, когда чужие проклятия действительно оставляли раны...

Люк небрежно потёр больную шею. Он устал. Чрезмерно устал, а ещё ему было скучно. Он безразличным взглядом смотрел на седьмого принца в тюрьме. Неужели настал тот славный день, о котором он так давно мечтал?

День, когда он завершил свою месть и стал настоящим императором. День, когда он стал правителем, над которым больше никто не сможет властвовать, наступил сегодня. Но почему же он так себя чувствовал?

«Убей его».

«Я устал».

Он моргнул. Яркое полуденное солнце ослепило его. Перед глазами мелькали красные и жёлтые пятна. Он попытался сосчитать, сколько дней не спал, но бросил это занятие. Узнав точную цифру, он лишь устал бы ещё сильнее.

Люк протиснулся сквозь людей в спальню и среди бела дня лёг на кровать, зарывшись под одеяло. День обещал быть великолепным. Ему следовало заняться тем, чего он по-настоящему хотел.

Он хотел видеть кошмары, в которых мёртвые возвращаются к жизни.

«В этот славный день я представлял, как ты передо мной плачешь. Не кровь врагов или корону над головой, а твоё заплаканное лицо».

Люк закрыл глаза. Когда он слегка задремал, ему показалось, что он слышит крик, смешанный с рыданиями. Женский голос умолял спасти её, звал его по имени и говорил, что ей ужасно больно.

Это был мимолётный кошмар, созданный его воображением. Но, вспоминая этот крик, он впервые за долгое время улыбнулся.

«Если единственный звук, который я могу услышать, — это крик, если единственные сны, которые я могу видеть, — это кошмары...»

После того дня император стал выпивать алкоголь, чтобы заснуть.

Ночи без сна были долгими.

<http://tl.rulate.ru/book/105299/4340034>